

15 АПР 1984

Нормольский вранда
г. Москва

В балетный класс он входил последним. Серьезный, деловитый, как все — в тренировочном трико. Здоровался, спрашивал о самочувствии и негромко хлопал в ладоши: «Первая позиция. Готовы?»

— Итак, плие, — торжественно говорил Слава, — и — раз...

Класс заполнялся музыкой. Они приседали в плие и — раз, и — пять, и — десять... Потом следовали батманы — в первой позиции, в пятой...

Свой парень Слава. О чем угодно можно с ним поговорить и поспорить. Но только не здесь, не на репетиции. В классе Слава недоступный и строгий. Обнимает ладонью отполированный поручень станка и поглядывает зорко в зеркало: «Ах, ах, как кисло! Думайте о сцене, думайте о зрителях, о премьере думайте...»

Они думали, улыбались. О том, что премьера не состоится, еще никто не знал.

Счастливая судьба у Славы. Сама отыскала его в далекой тувинской деревушке. Прикапала нежданно-негаданно в стареньком «уазике» прямо к школе вместе с придирчивой, строгой приемной комиссией Бурятского хореографического училища. Почти месяц колесили по республике преподаватели, просеивая, подобно старателям, через конкурс сито мальчиков и девочек, способных к танцам. Большая удача — распознать талант. А когда на пороге появился Слава, за столом комиссии сразу оживились, зашептались. Невысокий, стройный, тоненький, подвижный — находка.

Учился Слава Донгак легко, как танцевал, — на зависть одноклассникам, на радость преподавателям. С отличием закончил училище, с первой попытки поступил в Государственный театральный инсти-

П Е Р Е П Л Я С

День премьеры, которого с нетерпением ждали молодые артисты, стал для них днем увольнения

тут. И будущее ему рисовалось простым, ясным. Знал, поедет домой, в Кызыл. Знал, не сомневался, станет балетмейстером. Мечтал создать в Туве национальную школу балета.

— Размах, завидую, — сказал ему главный режиссер Тувинского музыкально-драматического театра С. Л. Оюн.

— Интересно... — согласился в Министерстве культуры республики.

Вячеславу хватило и этих, пусть сдержанных, оценок, чтобы, не теряя времени, действовать. Была у него программа. Перво-наперво — в Улан-Удэ, в хореографическое училище. Приехал в самую подходящую пору — экзамены. Своим, тувинским, ребятам сказал коротко: «Жду». И они засияли. Не пришлось уговаривать Иру Волошину и Люду Невзгодову. Предлагалась настоящая работа. Начинать все с нуля. Ставить спектакли, да что спектакли — создавать свою школу. Такое бывает, может быть, раз в жизни!

Заглянули бы хоть однажды в класс руководителя театра. Тяжелели через полчаса работы у станка воздушные пунты, будто приклеивались к полу, когда дело доходило до танца. Но они знали — это единственный путь ко всему тому, из чего соткан балет, из чего складывается успех.

Шло время, и однажды Слава устроил генеральную репетицию. Уселся на галерке и без прежних реплик, молча просмотрел выступление: отсюда, из зала, каждая ошибка — как на ладони.

Пора просить выход, решил Донгак.

— Да, да, — рассеянно сказал ему главреж при первой встрече, — что-нибудь придумаем.

— Придумаем, — бодро успокаивал при второй, третьей...

А когда Слава попытался однажды взять в разговоре законную, на его взгляд, высокую ноту, главреж рассердился: «Репертуар уже утвержден, роли распределены».

— Что же делать? — растерялся Слава.

— Ждать, — коротко бросил главреж.

Чего они ждали? Что соберется худсовет и во всем разберется? Что обратят, наконец, на них внимание в Министерстве культуры, куда зачастил Слава? Так, наверное, и должно было быть. Но случилось другое — в театре демонстративно не стали замечать артистов.

К творческим проблемам добавились бытовые. Жили по гостиницам, по гримерным, по знакомым. Где придется. Правда, однажды Слава торжественно извлек из кармана ключ от однокомнатной квартиры! Ерунда, что тесновато, радовались — есть крыша. Справили новоселье. Но... Славу пригласили к руководству и попросили ключ вернуть. Объяснили: ошибка вышла.

Первой уезжала Люда Невзгодова. Оправдывалась. «Поймите, ребята, танцевать хочу». Они понимали, Люда была самой способной на курсе. Понимали потому, что тоже очень хотели танцевать.

За восемь месяцев они вышли на сцену лишь однажды. Сыграли эпизоды в музыкальном спектакле «Шельменко-денщик». Никто не скрывал, что в театре они люди лишние. Для всех. Для директора — нет репертуара, нет расценок, нет ставок артистов балета. Для бухгалтерии — где взять деньги на костюмы? Даже для художников, приспосовивших под мастерскую репетиционный зал. Говорили прямо — ни о какой балетной труппе речи быть не может. Что все это — прожекты бывшего главного режиссера Оюна, и что им бы на время пойти в монтировщики сцены, попытаться перекалцироваться в драматические актеры, а еще лучше перейти в танцевальный ансамбль «Саяны». Какая разница, где танцевать!

— Да вы что? — ахнули ребята. — Мы же «классики», стояло ли учиться восемь лет?

— Наверное, мы все-таки порядком поднаедали всем своим упорством, — вспоминает В. Донгак. — Появилась однажды в театре солидная комиссия — решать нашу судьбу. Волновались, как на экзаменах.

Не знали ребята, что в папках комиссии уже лежал проект приказа: «В связи с тем, что некоторые артисты утратили форму, в целях укрепления ансамбля «Саяны» перевести В. Донгака балетмейстером, И. Волошину, Р. Севээн, Ш. Донгака артистами».

— Только и разговоров, что о них! — возмутился, едва узнав предмет беседы, министр культуры Тувинской АССР

А. С. Серен. — Недавно республиканская молодежная газета писала, теперь вот вы... Сколько можно отвечать?

Разговоров о том, как забыли о молодых артистах, в Кызыле и впрямь было немало. Невелик город, один театр на всю республику. И статья о мытарствах ребят тоже была. Только вот ответа, запомнили в министерстве, на выступление газеты не поступило. И что отвечать? Конфликт улажен, считают в министерстве. Ребята танцуют в «Саянах», живут в общежитии. Не жалуются. Устали жаловаться, так скажем. Но сама проблема, которой не хотят видеть в Кызыле, не потеряла остроты. Наоборот. Сейчас по направлению Министерства культуры республики так же, как Донгак и его друзья, учатся во Фрунзе и Улан-Удэ еще около двадцати юных тувинцев. Учатся балетному мастерству, надеются работать по специальности в родном театре.

— Быть или не быть балету в Туве? — Вот так, по-гамлетовски, поставили мы вопрос перед министром.

— Не могу сказать, — опять ушел в сторону Анатолий Сергеевич, — это, знаете ли, целая эпоха...

Хорошо или плохо, что в министерстве мыслят столь масштабными категориями, но не лучше ли для пользы дела заглянуть хотя бы в затрапанный день? Признать, что создание балета вовсе не прихоть молодого, жаждущего нового специалиста, а вопрос, выдвинутый временем. Что искусство возможно и нужно развивать в тех условиях, ко-

торыми располагает республиканский центр, имеющий прекрасное здание театра. И что далеко ездить учиться этому вовсе не надо. Например, в соседней Бурятии балетная школа имеет мировое признание. Кстати, из Улан-Удэ получили мы письмо директора Бурятского хореографического училища В. Харалева: «Ныне высокопрофессиональные балетные коллективы имеются почти во всех автономных республиках РСФСР. Поэтому говорить о преждевременности развития балета в Туве уже... поздно. Разумно разве ежегодно направлять к нам на обучение ребят, зная о их бесперспективном будущем? По-государственному разве тратить на их обучение деньги, и немалые, занимать в училище «чужие» места? Считаю, нет — не по-государственному».

...В «Саянах» Славу Донгака уважают. Веселый, общительный. И работает с душой — профессионально. Только иногда, замечали ребята, нахмурится вдруг на репетиции, усядется в уголок зала и подолгу безучастно наблюдает за тем, что происходит вокруг. О чем он думает? Быть может, о своей мечте, об обидного далекой. Распахнутой настееж сцене театра. Учениках, которых так на нее и не вывел. О себе, не состоявшемся балетмейстере. О многом, наверное. Очень грустно.

Н. АНТУФЬЕВА,
сотрудник газеты
«Молодежь Тувы».
В. ГОРЛОВ.
(Наш корр.).

Кызыл.